

Форма любви

АРХ Москва 2009 закончилась. Однако выставка архитектора Сергея Скуратова продлена до 6 июня. В прошлом году он был награжден титулом «Архитектор года» и в этом, согласно правилам АРХ Москвы, представил персональную экспозицию. *Текст и интервью Ольга Орлова .*

Белый куб, динамические сдвиги двух выходов которого намекают на структуру лабиринта. Однако внутри запутывающих путь перегородок нет — пустое пространство: эскизы и проекты на стенах. А снаружи по периметру куба — фотографии уже построенных зданий. Организация экспозиции вполне отвечает творческой концепции автора: изнутри наружу. Это известный принцип Ф.-Л. Райта. Однако если у американца «внутреннее пространство здания есть его подлинная сущность», наш мастер не скрывает своего пристрастия к фасадам, виртуозным исполнением коих он во многом и известен. Прославивший его Cooperhouse экспрессивно-зелен, при первой мысли о доме вспоминается именно рельефная стена, стеклянно-изумрудные панели которой развернуты в разные стороны. Архитектор переживает за сохранность своих построек, хочет, чтобы жильцы научились заботиться о домах, как о коже, о гардеробе. С болью рассказывает об «отключенной» медной панели на Cooperhouse. Скуратов действует «изнутри» собственной личности. Вглядывается в местность, впускает ее в себя — так образуется идея. «Она должна, — говорит он, — раздвинуть твои ребра, заполнить все твое внутреннее пространство». Профессионализм — определенная форма любви, считает архитектор. Ко всем своим постройкам относится, как к детям, отчего главный архитектор Москвы Александр Кузьмин не раз над ним подшучивал

«многолетний ты наш». На открытии своей экспозиции рассказал про фильм «Поздний ребенок». Там главный герой, архитектор, когда у него было тяжело на душе, смотрел на свой дом. Так же поступает и сам: едет на Остоженку и любуется на Coorperhouse. В этой архитектуре при всей ее модернистской универсальности и строгости много личного. Наверно, поэтому Сергей Скуратов на открытии экспозиции заявил, что является авторитарным архитектором: никто его ничего сделать заставить не может.

«Самое сложное в работе архитектора в Москве, — говорил он, — преодолеть силы сопротивления, исходящие от властей, девелоперов, жителей. Для меня каждый шаг навстречу людям, с которыми я внутренне не согласен, — боль». Апология лично понятой художественности — главный нерв архитектуры Скуратова. «Архитектура для меня — это все, — признавался он. — Это и образ жизни, и ее цель. И некий инструментарий, с помощью которого я живу, думаю, познаю, общаюсь. Его характеристики: искренность, мучительность, дерзновенность, ревностность». Такой архитектор не может находиться в шорах, быть ведомым и подчиненным. С годами возникает потребность в арт-жесте.

Несмотря на то, что старшее поколение современных российских архитекторов прошло школу, в которой контекстуальное мышление главенствовало, личные пристрастия, например, к полету, ощущению легкости берут вверх. В постройках появляются антигравитационные элементы, как в вальсирующей паре небоскребов на Мосфильмовской. В Санкт-Петербурге не только такие высотки, но и паряще-приземистое семейство офисных корпусов на Новоданиловской набережной

представить себе невозможно. Там жесткая установка: «Здание не должно летать!» (автор приводит слова питерского друга-архитектора). Когда-то практикующий в Москве великобританец Джеймс МакАдам отмечал, что «тщательно и детально разработанные простые структуры-коробки — подходящий ответ на проблему сложной и слаборазвитой строительной промышленности России». Сергей Скуратов стремится, по его словам, создавать архитектуру, глядя на которую не возникал бы вопрос о качестве строительства. Считает, что с домом на Новоданиловской набережной ему это удалось: «Здесь архитектура победила качество строительства, которое отнюдь там не высококласное, но об этом никто и не вспоминает».

Сергей Скуратов часто, подобно авангардистам, размещает в небе над своими проектами летающие самолетики. Казалось бы, здесь реализация того самого сращивания архитектуры с дизайном, когда здание уподобляется машине (знаменитое «дом — машина для жилья» Ле Корбюзье): максимально инновационное и удобное, отслужило свой срок, и его можно сменить новым. Но Сергей Скуратов — парадоксальный модернист, который хочет, чтобы его здания стояли долго, в идеале — вечно. Поэтому он выбирает дорогостоящие добротные материалы, отдавая предпочтение тем, которые красиво стареют. Кирпичу, камню, меди. Считает, что город болен и пытается своей работой лечить пространства. На вопрос, есть ли у вас мечта, отвечает сразу и утвердительно: «Да, у меня есть маниакальная мечта — как можно больше строить, пока смотрят мои глаза и чувствует сердце».

Июнь 2009

http://www.ec-a.ru/index.php?mn=razdel&mns=zagry31mdu55y_ru